

Братские узы

Джун Мотидзуки

После получения известий об аварии Джун планировал сразу отправиться в Токио, чтобы встретиться с братом, но на его пути постоянно встречались мелкие препятствия, заставившие его потерять несколько дней, прежде чем он снова смог ступить за землю японской столицы. Сначала ему пришлось задержаться в монастыре, чтобы разобраться с головной болью, потом пару дней провести в Пекине, проверяя, как там дела у дяди и Яреци и присмотреть за прилетевшим вместе с ним Маркусом, а потом встретиться с родителями, поскольку оставить большую часть вещей в Тибете ему показалось разумным, благо аэропорт Нарита располагался как раз в их префектуре. И естественно, после долгой разлуки сразу покинуть родительский дом Джун не смог, выслушав немало комментариев по поводу излишней худобы и осунувшегося лица и радуясь, что родители не видели его несколько дней назад, когда он и вовсе был похож на ожившего мертвеца.

Помимо обычной болтовни и стандартных расспросов Джун столкнулся с неожиданными для себя откровениями отца, спровоцированными их совместными вечерними возлияниями в маленьком кабинетике Мотидзуки Шотаро. И впервые за все время общения со своим непростым родителем он остро почувствовал навалившуюся на отца усталость и его желание хоть с кем-нибудь разделить груз ответственности за семью, который он не собирался перекладывать на жену, итак несущую свою непростую ношу. А еще, ему, наверное, хотелось выговориться, поэтому в итоге Джун узнал о том, что произошло после аварии, и от чего у него возникла навязчивая идея как следует всыпать брату при встрече, которую он планировал уже на следующий день.

Созвонившись с Сэтоши, который уже выписался из больницы и вышел на работу, он договорился встретиться с ним днем в ресторане Морриса Фернандеза, и, в назначенный час уже стучался в дверь кабинета брата, одновременно с этим думая, что лучше сделать для начала - обнять Сэтоши или его придушить, а может сделать все одновременно, поскольку эмоций у Джуна к тому моменту накопилось немало, и они требовали хоть как-то выплеснуться наружу, угрожая, при неудачном стечении обстоятельств, затопить собой половину ресторана.

Сэтоши Мотидзуки

О том, что скоро приедет Джун, Сэтоши узнал совершенно случайно от мамы, когда, вернувшись в токийскую квартиру, созвонился с ней. Он хотел видеть брата, но что-то ему подсказывало, что утаить от Джуна то, что он чуть не совершил самоубийство, будет не так просто. Отец обещал ничего не говорить маме и бабушке, но не давал обещание ничего не говорить Джуну. И он был уверен, что Джун обо всём узнает. И у него хватит ума не рассказывать никому больше. И если за то, что об этом узнает мама, бабушка или же тётя Фуэми, он не сильно переживал, то вот Рита вызывала опасения. Сэтоши прекрасно помнил её историю с гибелью младшего брата, которая произошла в её детстве на её глазах.

Ему удалось почти не используя связи своей семьи договориться о переводе

Маргариты в больницу к сыну. Он нашёл сиделку, которая помогала девушке, ребёнка пока не приносили, его видеть можно было только через стекло, но прогнозы были хорошие. Говорили, что ещё неделя, и он наберёт нужный вес и будет готов к выписке. Сэтоши этого боялся, что их выпишут из больницы, и дома Рите будет очень тяжело. Но пока они все были относительно счастливы. Вечером, после работы, Сэтоши приезжал в больницу, ночевал там, на диванчике, помогал Рите. Днём он работал.

Сегодня сеньор Фернандез уехал на какую-то конференцию в Киото, он хотел, чтобы его сопровождал Сэтоши, но вместе с ним поехал метрдотель. А Сэтоши пришлось работать за троих. Благо, у сеньора Фернандеза сегодня было дел не очень много. Он как раз разбирался с последними делами, когда позвонил Джун и договорился о встрече. И вот уже скоро брат стоял около двери в его кабинет.

- Что, не пускают? - Усмехнулся он, подойдя к брату. Хотел сначала обнять его, но потом вспомнил его реакцию, когда они встретились в аэропорту, и просто открыл дверь. - Я рад тебя видеть, Джун, - кивнул он, когда Джун вошёл в кабинет. Закрыл дверь и посмотрел на него.

Джун Мотидзуки

На его стук так никто не ответил, и Джун, предполагая, что брата в кабинете нет, уже собирался спрашивать у сотрудников, где его можно найти, как услышал знакомый голос.

- Как видишь, - усмехнулся он в ответ и проследовал в кабинет, как только Сэтоши открыл дверь, мысленно прикидывая, с чего стоит начать. Джун уже как-то бывал здесь, когда все готовились к открытию ресторана, но тогда помещение не выглядело таким обжитым и уютным.

- И я рад тебя видеть, аники. Здоровым и живым...

Он все-таки не удержался, чтобы не скатиться на скользкую тему. После разговора с отцом представитель молодого поколения семьи Мотидзуки снова спал плохо, терзаясь тяжелыми снами, содержание которых так и не запомнил. Джун догадывался, что брат из-за всей этой истории может начать чудить, но даже не представлял насколько. Ведь если бы не отец, он мог бы уже и не иметь возможности вот так стоять напротив Сэтоши и с ним разговаривать пусть и не о самых приятных вещах. А он сам... Сам он в это время находился очень далеко и для семьи был совершенно бесполезен. И это удручало сильнее всего и рождало мысль о необходимости вернуться обратно в Японию, как только он обретет уверенность в своей способности сохранять адекватность и жить в гармонии и с миром духов, и с миром людей.

Сэтоши Мотидзуки

- Я тоже рад себя видеть здоровым и живым, - фыркнул Сэтоши, подходя к окну. - И я знаю, о чем ты хочешь поговорить. Тебе ведь известно?

Он повернул к нему голову и внимательно посмотрел на него. Джун выглядел не так, каким он был раньше. Сейчас он повзрослел, возмужал, но при этом стал слишком

худым, и со взглядом было что-то. Безумное как будто. Он пожал плечами и вернулся к созерцанию улицы. Остановил взгляд на припаркованной машине, из которой вышла женщина в сопровождении мужчины. Они направились в какой-то магазин.

- Так что не молчи. Можешь придушить меня, ты ведь это хочешь сделать?

Все члены семьи Мотидзуки всегда выделялись из общей массы людей сильной волей к жизни. Ни у кого из его родственников не было даже мысли о суициде, не говоря уже о том, чтобы ее осуществить. Он был единственным членом этой семьи, из которой сильно выделялся. И он никому бы не хотел желать подобного. Ведь он слышал слово "разряд", он видел умиротворенное лицо Риты. Слишком умиротворенное. Такого вида нет у живых людей. Вот это пугало. И никто ему не дал конкретной информации. В суматохе произошедшей аварии, которая, к счастью, для всех участников закончилась хорошо, о нем просто забыли.

Конечно, он не хотел кончать жизнь самоубийством. Он не хотел реветь перед отцом, словно был маленькой испуганной девочкой. Но понимал, что лучше это все видел отец, а не мама. Мама бы не пережила такого предательства. Она бы... конечно, она бы простила, успокоила, просто... она бы сильно переживала за него.

Он развернулся и посмотрел на брата.

Джун Мотидзуки

Подтекст, скрытый за его словами, Сэтоши понял сразу, поэтому начинать издали или что-то скрывать не было смысла. Да Джун не собирался этого делать, сразу воспользовавшись возможностью как-то выразить накопившиеся эмоции.

- Известно. - Пока он не приближался к брату, несмотря на заманчивое предложение применить к нему воспитательное физическое воздействие. - Отец вчера мне все рассказал. Просто не смог держать все в себе и хотел с кем-нибудь поделиться.

Джуну было приятно осознавать, что отец признает его достаточно взрослым и заслуживающим доверия человеком, с которым можно разделить свою ношу, но это не отменяло того факта, что даже часть этой ноши начала давить на его собственные плечи сильнее, чем можно было ожидать.

- И знаешь, да. Пожалуй, придушить тебя стоило бы. Я все понимаю, стресс, страхи... Но должно же быть у мужчины какое-то понимание об ответственности перед своей семьей и хоть какие-то мысли о последствиях его поступков?!

Джун очень редко повышал голос, а ругался на кого-то еще реже, но он сильно разозлился на брата, поскольку в какой-то момент остро почувствовал, что может его потерять по совершенно нелепой причине. И, что самое страшное, ничего не сможет сделать чтобы как-то уберечь его от беды.

Сэтоши Мотидзуки

- А ты понимаешь, что виновником аварии был я? Ты понимаешь, что я вообще не должен был в тот день выходить из дома и садиться за руль? У меня было

предчувствие, мне казалось, что что-то должно произойти. Она сказала мне, что ей плохо. И я... должен был остановиться. Но вместо этого я дал по газам и поехал на мигающий зеленый. А потом... я не нащупал у нее пульс. И это слово "разряд", и ее умиротворенное лицо...

Он, в отличие от Джуна, не повышал голос, говорил холодно и как-то отстраненно. Но на последних словах его голос дрогнул. Он сжал руки в кулаки и отвернулся обратно к окну. Прислонился лбом к стеклу и закрыл глаза. Тяжело задышал. Наверное, это было глупо. Нет, это было очень глупо. Он, вероятно, должен был просто спокойно сидеть на скамеечке в коридоре и ждать, когда ему расскажут новости. Наверное, так должен поступать нормальный мужчина.

- Я знаю, что не имел никакого права думать, что они... просто... я надеюсь, что ты никогда не испытаешь чего-то подобного. - Он опустил голову и зажмурился.

Джун Мотидзуки

Про то, что виновником аварии являлся брат, Джун слышал и от Маркуса, и от Яреци, которая уточнила рассказ своего родственника, и вчера от отца... Но вот обо всем остальном он, по понятным причинам, узнал только сейчас, сложив весь "пазл" в своей голове до конца. И пусть молодой человек не был уверен, что часть, касающуюся слова "разряд" и сопутствующих моментов, Сэтоши не напридумывал себе сам, мотивы, по которым брат решил свести счеты с жизнью, обрели для него свое окончательное очертание.

- Все я понимаю, - резко произнес Джун, в пару шагов преодолевая расстояние, отделяющее его от брата и без особых церемоний разворачивая его к себе лицом. Понимаю, что ты очень любишь своих жену и сына, и не хотел жить, считая себя виновным в их гибели. Но... какой же ты все-таки идиот!

Он крепко ухватил Сэтоши за плечи и как следует его встряхнул, благо разница в росте и весе, даже несмотря на его нынешнее не лучшее состояние, вполне позволяла подобные вольности.

- Как ты мог забыть, что у тебя есть и другие члены семьи, которым придется как-то жить после твоего поступка? Что бы мы делали, если бы твоя попытка увенчалась успехом? Вот честное слово, так бы и оторвал твою глупую голову, которая только и может, что усложнять телу жизнь!

Джун встряхнул брата еще раз, а потом отпустил его плечи и крепко прижал Сэтоши к себе. Он редко позволял себе по отношению к нему подобное проявление чувств, но сейчас слов уже не осталось, и на их место пришло желание послушать, как бьется сердце человека, который был рядом с ним практически всю его жизнь, пусть их две реальности с каждым годом пересекались все реже и реже.

Сэтоши Мотидзуки

Когда Джун его развернул, он сразу опустил голову и зажмурился, но потом посмотрел на него. Посмотрел холодным взглядом, каким, наверное, никогда ни на кого не смотрел раньше. Потому что он был виноват в том, что с ними случилось. Он был виноват в том, что Маргарита не может видеть своего ребёнка, не может ходить.

Он виноват в том, что ребёнок родился на полтора месяца раньше положенного срока.

Джун его встряхнул, и он усмехнулся.

- Так оторви! - Произнёс он таким же холодным голосом. - оторви, если тебе легче станет. Я недавно думал о том поступке. И, знаешь, я не могу со стопроцентной уверенностью сказать, что было бы, если бы они погибли. Я... я не смог бы жить... мне кажется, я не смог бы существовать нормально и в результате совершил бы ритуальное убийство. Джун, я... рад, что они живы, рад возможности когда-нибудь увидеть своего ребёнка. Рад...

А потом Джун его обнял, и он обнял брата в ответ. Только вот как-то отстранённо и неуверенно. Он думал, пока лежал в больнице, думал, когда ехал в поезде на работу и с работы, думал дома. Думал о том, как бы сложилась его жизнь при трагическом исходе. Однажды даже додумался до того, что, прознай журналюги про всё, они бы завалили вопросами родителей, бабушку, потом бы пошло общественное порицание, бизнес бы накрылся, и величайшая империя семьи Мотидзуки рухнула. Разрушилась бы так же, как разрушаются другие империи. Неизвестно, что было бы потом, но, наверное, в этом бы не было ничего хорошего. По его вине погиб бы ещё кто-то.

Он считал, что при таком раскладе самоубийство - это лучший выход. Да, родители будут страдать, да, всем будет грустно и плохо без него, но потом пройдёт время, и боль хоть немного утихнет. По крайней мере, это лучше, чем они будут видеть, как он страдает.

Это было его идиотское, неправильное и никого не интересующее личное мнение, о котором он не рассказывал никому. Он не будет рассказывать никому об этом. Поэтому он просто молчал. Он не знал, что ещё говорить, но в груди появлялся какой-то неприятный комок. Сейчас он хотел, чтобы Джун ушёл, оставил его одного.

Джун Мотидзуки

За последний год Джун часто задавался вопросом, почему, имея большое количество всевозможных друзей и приятелей, он так и не смог найти общий язык с братом. И только сейчас, наконец, смог нащупать ответ, который не добавил ему хорошего настроения. Он не понимал брата. И в детстве, и сейчас, считывая его эмоции, но совершенно не представляя тот хаос, который творится в его голове. И это при том, что неплохо разбирался в людях, особенно когда речь заходила о членах его семьи.

- Не буду я отрывать тебе голову, - с тяжелым вздохом Джун выпустил брата из объятий. - Похоже, ты и без моей помощи с этим прекрасно справишься.

Впервые за долгое время, молодой шаман даже не знал, что сказать. Продолжать ругать Сэтоши, притворяясь чуть ли не его опекуном, как повелось еще с детства, было бессмысленно, поскольку тот воспринимал все по-своему. Наверное, стоило вспомнить, что именно он являлся младшим братом и не пытаться строить из себя чуть ли не папочку по отношению к взрослому мужчине, но при таком раскладе Джун

начинал остро ощущать свое бессилие. Он мало чем мог помочь Сэтоши, и не был в состоянии защитить его от него же самого, поэтому ему, скорее всего, доставалась роль стороннего наблюдателя, как и в детстве, и в юношестве, и всегда...

Сэтоши Мотидзуки

- Прости, - виновато прошептал молодой человек, когда брат отпустил его. Он хотел было повернуться к окну, вернуться к работе, делать хоть что-то, но не стоять в тишине и чувствовать это гнетущее молчание. Но он почему-то не мог сделать и шага, он не мог абсолютно ничего. И это его пугало.

- Ты прав. Я не имел никакого права поддаваться своим желаниям. Я не имею права оставлять их. Я должен был просто сидеть на скамейке и ждать, что мне скажут. Ведь нормальный человек так и поступил бы...

На последней фразе голос его сорвался. Он зажмурился и опустил голову, стараясь не дать этим противным слезам, показывающим его слабость, вырваться наружу.

- Я никогда не смогу себя простить за то, что проехал на мигающий сигнал, что нарушил скоростной режим. Я не прощу себя, что чуть не бросился под машину... Но... знаешь, в этом есть плюс... был... мы с отцом нашли общий язык. Мне так показалось, что нашли... прости, Джун, что вынужден это слушать...

Он все-таки отвернулся к окну и снова прислонился лбом к стеклу. По щекам стекли обжигающие слезы, и он стер их ладонью...

Джун Мотидзуки

- Да передо мной ты можешь не извиняться, - Джун тяжело вздохнул, понимая, что брата в очередной раз понесло на территорию, снова и снова напоминающую ему об аварии и последовавших за ней событиях. - В любом случае, сделанного не воротишь, и надо жить настоящим. Тебе следует заботиться о своей семье, а не корить себя за то, что ты уже не в силах изменить. А я, в свою очередь, больше не буду поднимать эту тему.

Джун прекрасно понимал, что сказать, в данном случае, было намного легче, чем сделать. Сам он так до конца и не смирился с произошедшим, да и состояние Сэтоши, не удержавшегося от слез, лишь усугубляло его подозрения, что вся эта история может иметь продолжение, но пока решил больше не лезть со своим мнением и советами.

- Это хорошо, что вы с отцом нашли общий язык. Давно пора.

Сам он тоже не мог похвастаться особенно близкими отношениями с собственным родителем, но, на темы, не имеющие отношение к рабочим, общался с ним объективно больше, чем старший ребенок Мотидзуки Шотаро.

- Ладно, выше нос. - Джун не удержался и потрепал брата рукой по голове. - Я слышал, ты назвал сына Рэн. Неожиданное решение.

Он решил перевести тему, пока Сэтоши не утопил в слезах половину кабинета. А то

оставалось еще и ему самому вспомнить обо всех семейных невзгодах, собственных проблемах с головой и длительном половом воздержании и разреваться рядом с братом, как в те далекие времена, когда он был еще совсем маленьким ребенком и начинал повторять за старшим братом, даже если не понимал, по какой причине тот был расстроен.

Сэтоши Мотидзуки

- Да я и сам не ожидал от себя такого решения, - усмехнулся Сэтоши, почувствовав, как брат его потрепал рукой по голове. Почему-то от этого простого жеста стало хорошо и легче, будто тяжелый груз был снят. - Мы с Ритой даже не думали об этом. А потом меня спросил отец, и я ляпнул первое, что пришло в голову.

Он повернулся к брату лицом и опустил голову, чтобы скрыть слезы. Все-таки это было совсем не дело, что он ревел как девчонка и концентрировался только на своих проблемах, не обращая внимания на других людей. Подняв голову, он внимательно посмотрел на брата, а потом перевел взгляд на часы.

- Ладно, что обо мне говорить? Ты не хочешь перекусить? Мы можем пойти в кабинет начальника, у него там столик стоит. И ты расскажешь, как у тебя дела? Как твой шаманизм?

Джун Мотидзуки

- Ну, Рэн - это хорошее имя. Главное, чтобы сын не гонял тебя так, как нас гонял дед. Хотя тебе вроде как везло, а вот я постоянно на него нарывался в самый неудачный момент... Зато теперь могу достаточно быстро сделать вполне себе приличный стул.

Джун усмехнулся, чувствуя, что на душе у него становится легче. Да и Сэтоши вроде как решил завязать со своим "мокрым делом" и перевести тему на что-то нейтральное, если это вообще было возможно. Вся жизнь брата крутилась вокруг его последних проблем, а его собственная... С ней Джун пока еще не разобрался и потому не планировал рассказывать больше, чем следовало и давать Сэтоши новые поводы для переживаний.

- Перекусить - это хорошая идея. Я тут пока усиленно тренировался в стрельбе из лука, заметно похудел, поэтому был бы рад вернуться к своему привычному весу.

Джун не хотел объяснять, что продолжительные тренировки не являлись основной причиной его чрезмерной худобы. Сейчас он выглядел уже намного лучше, чем еще несколько дней назад, так что надеялся избежать неудобных вопросов в свой адрес.

- Что-нибудь да расскажу, - согласился Джун, хотя пока понятия не имел, о чем говорить, чтобы избежать излишних откровений. - А шаманизм... Ну, здесь я достиг достаточно больших успехов.

О большем он пока решил не распространяться, предпочитая продолжить разговор, когда они уже переберутся в кабинет Морриса, которого, похоже, сегодня не было на рабочем месте.

Сэтоши Мотидзуки

- Я на деда нарвался только один раз. Кажется, тогда отец только встретился с мамой, а может быть это было вскоре после их женитьбы. В компании были какие-то проблемы, а мне нужна была бумага, чтобы сделать самолётик. И куда я пошёл? Правильно, в кабинет деда. И испортил почти все отчёты отца, которые лежали на столе. Зато у меня получился самолётик. Только потом это увидел дед и очень долго ругался, к нему присоединился отец.

Он замолчал, предавшись воспоминаниям, как тогда заплакал, а тётя Фуэми снова начал говорить в его адрес, а потом мама сказала, что сделает с ним самолётики, и вообще не ругает его. И ей очень понравился тот самолёт, что он сделал. Мама его никогда не ругала, в отличие от отца или бабушки. Но дед, казалось, ругал всех и всегда. Джуну попадало много раз, но младший братишка никогда не плакал после этого. Он вообще никогда не плакал, только в далёком детстве, копируя его, о чём помнить не может. Из всего мужского населения семьи Сэтоши ревел чаще и больше всего. Наверное, излишняя эмоциональность передалась от матери.

Джун захотел перекусить, и Сэтоши кивнул. Вышел из кабинета, поманил за собой брата, закрыл дверь на замок и направился к кабинету начальника. Запустил туда брата и отправился к стойке, чтобы сделать заказ. Через пару минут принёс два стаканчика кофе и два буритто с овощами и курицей - овощи с курицей, приготовленные на гриле, завернутые в мексиканскую лепёшку. Сел рядом с братом на диван.

- Я рад, что у тебя всё хорошо, - сказал он, внимательно посмотрев на него. - У тебя же всё хорошо? Если тебе не хочется рассказывать, то... просто, если у тебя что-то случилось, может я смогу помочь?

Хотя он слишком сомневался, что сможет чем-то помочь брату. Но попытаться стоило, ведь раньше, пока они были детьми, Сэтоши часто помогал брату справляться с трудностями вроде завязывания шнурков или залезания на детскую горку. Или ещё чего-нибудь такого. А потом Джун подрос настолько, что сам справлялся со своими трудностями. Наверное, с тех пор они и отдалились друг от друга.

Джун Мотидзуки

-Да, я слышал эту историю, - рассмеялся Джун, представляя себе реакцию деда, обнаружившего внука за таким непотребным занятием. - Удивляюсь, как ты после такого заикой не стал.

Мотидзуки Рэн любил своих детей и внуков, но проявлял свои чувства достаточно своеобразным способом. Хотя им с Сэтоши еще повезло - их семья жила отдельно. А вот тому же Рюичиро приходилось жить согласно требованиям деда. Может, именно поэтому их двоюродный брат и вырос таким подозрительно правильным, словно из него еще при рождении откачали все мальчишеское озорство и склонность к авантюрам.

Кабинет Морриса ему сразу понравился, так что пока брат ходил за едой, Джун с комфортом устроился на диванчике и даже чуть было не задремал, стараясь

наверстать то, что упустил сегодняшней ночью. Но не успел он прикрыть глаза и расслабиться, как Сэтоши уже вернулся с едой, которая привлекла его даже больше, чем возможность немного поспать, пользуясь чужим гостеприимством.

- У меня все нормально не переживай. Но если мне будет нужна помощь, я обязательно к тебе обращусь.

Джун приступил к еде, мимоходом задумываясь, что был таким с самого детства - никому не рассказывал о своих проблемах ровно до того момента, пока ему не становилось настолько плохо, что скрывать это было уже невозможно.

- А помнишь, - медленно произнес он, захваченный всплывшими в его голове образами из раннего детства, - как я себе ногу гвоздем распорол? Я тогда с мальчишками бегал, а тебя отправили за мной присматривать. А присматривать за мной было непросто. - Джун улыбнулся, вспоминая, с какой скоростью носился по улицам. - Конечно, ты не заметил, а я и не признавался, пока штанина кровью не пропиталась. Ты меня еще потом домой тащил, а я тебя уговаривал как-нибудь подлечить меня своими силами и ничего не рассказывать родителям. Боялся, тебя ругать будут, что не уследил. Но мама все равно засекла нас еще на подходах...

Джун мог и не рассказывать всю эту историю в таких подробностях, поскольку брат знал ее не хуже, чем он сам, но почему-то сейчас ему очень хотелось подробно вспомнить тот момент, когда он был еще слишком маленьким, чтобы искать различия между собой и Сэтоши. Тогда он просто любил своего старшего братика чистой детской любовью, не задающейся взрослыми вопросами, способными разделить то, что некогда было единым.

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши даже и не думал, что так сильно проголодался. Он съел свое бургеро очень быстро, и облизнулся. Откинулся на спинку дивана и улыбнулся. Он стал похож на довольного кота, который наелся сливок.

- Да, Рюичиро не повезло. У него был не только дед, но и мама. О, я помню, как она на него ругалась по какому-то поводу. Мне тогда было года три, и она меня вместе с ним забрала из сада. Это, кажется, был единственный раз, когда тетя ко мне отнеслась благосклонно.

Им с Джуном действительно повезло, что они жили отдельно. И редко видели бабушку и деда. Рюичиро в этом, действительно, повезло меньше, и Сэтоши помнил, как старший брат вечно занимался и читал, вместо того, чтобы играть.

Джун ударился в воспоминания, и молодой человек прикрыл глаза, вспоминая те события. Братишке тогда было года три или четыре, и для этого возраста Джун все достаточно хорошо помнил. Сэтоши тоже помнил.

- Да, отец тогда ругался сильно. Ворчал, что мы идиоты, хотя я тогда не понял, кто больше виноват - я, что не уследил за тобой, или ты, что не смотрел, куда бежишь. Я помню, что мы тогда очень тихо поднимались по лестнице, чтобы никто не услышал наши шаги. А потом тебе стало очень больно, и я усадил тебя на спину.

Тогда мы чуть с лестницы не свалились. Ты, кажется, тогда засмеялся, и на наш смех вышла мама. Она, конечно, все заметила. Нам пришлось ехать в травмпункт, и тебе накладывали швы. Кажется, я боялся сильнее тебя. А ты молодец, даже не пискнул. Мне потом было плохо, у меня даже поднялась из-за всего этого температура, а ты... вечером пришел ко мне вечером и стал мне что-то рассказывать. Стишок, который учили в садике. А потом обнял меня и заснул на моей кровати. Мне пришлось спать на полу...

Он замолчал, улыбнувшись. Это было прекрасное время.

- А ты помнишь, как поехали на кораблике кататься? И у меня тогда началась морская болезнь? - усмехнулся он.

Джун Мотидзуки

Пока в воспоминания ударялся брат, Джун, воспользовавшись тем, что может молчать, разобрался со своей едой и сделал несколько больших глотков кофе. Как оказалось, Сэтоши помнил намного больше подробностей, чем он сам, но это было и не удивительно. Его собственные воспоминания заканчивались на том, что о его притащили в больницу, чтобы наложить швы. А дальше было очень страшно, но он старался не показывать свой страх, так как мальчики не должны бояться и реветь, даже если им больно.

- Что, заснул прямо на твоей кровати? - снова рассмеялся Джун, пытаясь представить эту картину. - А на пол ты зачем пошел? Мы же маленькие были, при желании поместились бы вместе.

Он не припомнил, чтобы в сознательном возрасте пытался оккупировать кровать брата. Джун и в комнату-то его заходил нечасто, а тут такое наглое вторжение с захватом территории... Слушая о событиях тех лет, младший из братьев даже немного жалел, что не может вернуться в то простое и беззаботное время или сейчас хотя бы на пару минут стать таким простым и прямолинейным, как и в возрасте четырех лет.

- Помню, конечно, - прокомментировал он новую порцию воспоминаний, посыпавшуюся со стороны Сэтоши. - Правда, справедливости ради, это был не единственный раз, когда тебя где-нибудь укачивало. Но тогда своим зеленым цветом лица ты сильно перепугал мать. А пока она бегала с тобой, чуть было не потерялся я... Да уж, всегда думал, что мы были послушными детьми, а, выходит, хлопот родителям доставили уйму. Ну ничего, в отличие от меня, тебе уже очень скоро придется испытать нечто подобное на собственной шкуре.

Когда он слышал слово "отец" в его голове возникал образ сурового Мотидзуки Шотаро или твердого как скала деда, так что переложить это понятие на мягкого по характеру брата у Джуна получалось с трудом. Но в любом случае в их семье для баланса имелась Маргарита-сан, которая вполне была способна приструнить разошедшегося мальчишку, так что за воспитание нового Мотидзуки Рэна он не волновался, а вот за нервы Сэтоши - даже очень.

Сэтоши Мотидзуки

Его укачивало почти всегда и везде. Но больше всего его укачивало на водном транспорте, особенно если они выбирались в залив. Волны, море и природа, которые очень любил Сэтоши, в те моменты казались сущими врагами. В тот раз, о котором он вспомнил сейчас, ему стало настолько страшно, что он долго потом не мог прийти в себя. Но, видя брата, который резвился и вечно куда-то убегал, глядя на Рюичиро, который как всегда был с книжкой в руках, да и вообще, глядя на всех, он понимал, что нельзя бояться. Точнее, нельзя показывать, что тебе страшно. Вот только зелёное лицо было показателем, что ему не очень хорошо.

Джун доел свой буритто, и Сэтоши сначала решил похвастаться, что это его предложение, продавать буритто в небольшой зоне "кофе и закуски с собой", но потом решил, что это вообще не имеет никакого отношения к семье, жизни и уж тем более воспоминаниям, которым они сейчас предаются.

- Ну, если сравнивать нас и Рюичиро, то я лучше бы ещё раз пожил так. С некоторыми поправками, конечно. Например, получше бы следил за тобой. Мне кажется, брату было комфортно только в садике, хотя я плохо помню то время. А потом мы с ним общались только когда приезжали в дом бабушки. А сын... я точно знаю, что не буду ему навязывать свои идеи и принципы. Возможно, мы дадим ему право выбора.

У них не было права выбора. Потому что они должны были идти по стопам родителей, погрязнуть в семейном бизнесе. И если для Джун в этом плане было легче из-за того, что он понимал математику, то ему, Сэтоши, было очень трудно. Он не понимал математику. Он вспомнил, как всегда переживал, если у него что-то не получалось, как ему было тяжело, и как он завидовал брату, который мог в том же возрасте решить задачу, которая ему не поддавалась.

- Спасибо за такие воспоминания, - прервал он молчание и улыбнулся. - Хочешь ещё чего-нибудь? Пирожное, например?

Джун Мотидзуки

- Боюсь, даже если бы ты везде ходил со мной за ручку, это бы не помогло. В детстве у меня было очень много энергии.

Сейчас Джун бы назвал себя вполне спокойным человеком, способным долгое время сосредотачиваться на выполнении какого-нибудь задания и не пытаться перепрыгивать с места на место, но вот в дошкольном возрасте он представлял собой сущее наказание, постоянно куда-то лезущее, чем-то интересующееся и стремящееся заполнить собой все предоставленное ему пространство. Так что у брата, являющегося в то время обычным ребенком, не было ни шанса как-то утихомирить маленький ураганчик, которым он являлся.

- А что касается Рюичиро - согласен. Я всегда много читал и много занимался, но у меня еще оставалось время на свои собственные интересы. Хотя наш двоюродный брат никогда не казался мне забитым. Да и свою идеальную жену он выбирал сам, без какого-то давления со стороны. Наверное условия, в которых ему приходилось жить, сформировали личность, для которой подобное существование стало вполне комфортным.

Наверное, человек действительно мог приспособиться к чему угодно, как приспособился он сам, постепенно приняв свою способность общаться с духами. Хотя, когда все только начиналось, к нему несколько раз заглядывали нехорошие мысли о том, что нормальная жизнь для него закончилась, и впереди ждет беспросветный мрак.

- И тебе спасибо, - со всей искренностью ответил на благодарность брата Джун, одновременно с этим жестами показывая, что есть больше не хочет. - Мне было приятно ненадолго погрузиться в то время, когда мы были детьми. Знаешь, сейчас мне очень хочется вернуть чувства, которые я испытывал в то время. Может, для этого стоит поспать на твоей кровати?

Идея показалась ему забавной, и останавливал его только один момент - кровать Сэтоши находилась в их квартире в Тибе, поэтому прогнать с нее брата на пол было невозможно, а "нырять" в супружеское ложе Джун бы не решился, боясь гнева Маргариты-сан, если та узнает о вторжении на ее территорию.

Сэтоши Мотидзуки

- Я и ходил с тобой за ручку, - сказал Сэтоши. - Зная тебя, держал тебя за руку, особенно когда переходили дорогу. Потому что ты нёсся сломя голову и не смотрел никуда. Я, кстати, таким же был года в два. Но это длилось недолго. Отец мне сделал внушение, и я перестал убегать, - усмехнулся Сэтоши, подумав, что жизнь несправедлива. Почему когда он начинал куда-то убегать его наказывали, а когда это делал Джун... снова наказывали сначала его, а потом Джуна. Он грустно вздохнул, вернувшись к тому, от чего убежал тогда, года два назад. Джуна любили больше, чем его. Потому что у Джуна была нормальная мать, с нормальными генами. И Джун знал математику.

Прекрасные воспоминания о детстве, счастливом и беззаботном, могли в любой момент рухнуть и сделаться грустными и неправильными. Чтобы этого не произошло, Сэтоши быстро собрал мусор и вышел из кабинета Морриса, оставив там брата. Выкинул обёртки и стаканчики, прошёлся по залу, и вернулся в кабинет.

- Мне тоже было приятно вспомнить что-то... хорошее, - сказал молодой человек, не прокомментировав его слова о том, чтобы снова поспать на его кровати. Это можно было организовать, но он не знал, стоит это делать.

- Ты надолго здесь? Или скоро уезжаешь обратно? - спросил он.

Джун Мотидзуки

В голове у брата опять происходил какой-то непонятный процесс, в который Джун решил не влезать, поскольку тот находился за гранью его понимания. Еще недавно они вспоминали моменты из безоблачного детства, а потом по лицу Сэтоши словно промелькнула какая-то тень, говорящая о новых непонятных переживаниях. Видимо, его брат обладал потрясающей способностью находить что-то грустное даже во вполне себе позитивных моментах, и здесь Джун уже точно был бессилен, не имея возможности вложить свой мозг в чужую голову.

- Я пока не знаю, поэтому предпочитаю строить планы только на самое ближайшее будущее, - уклончиво ответил он на непростые вопросы. Молодой шаман понимал, что не сможет окончательно вернуться в Японию, пока не будет уверен в собственной адекватности и способности жить среди обычных людей. Сейчас ему стало намного легче, и головные боли ушли, но никто не мог гарантировать, что они не вернуться уже в ближайшее время, снова вырывая его из мира живых людей.

- Для начала я хотел бы навестить Маргариту-сан и, если это возможно, пусть и издалека, посмотреть на племянника. Потом выпить пару-тройку кружек холодного пива в небольшом уютном заведении и пообщаться с какой-нибудь милой девушкой. А дальше будет видно.

Джун не мог не признать, что жизнь в цивилизации имеет свои явные плюсы, поэтому, оказавшись в Японии, помимо общения с родными, собирался как следует насладиться ее благами, прежде чем снова вернуться в монастырь.

Сэтоши Мотидзуки

- Я думаю, это можно устроить, - кивнул Сэтоши и подошёл к столу начальника, чтобы взять маленький календарь. - Давай дня через два, в среду. Я отвезу тебя. Точнее, провожу. Я пока боюсь ездить на машине и уж тем более садиться за руль. Завтра у меня не получится, очень много работы, да ещё и разъезды.

Он не был уверен, что вообще когда-нибудь сможет сесть за руль. Возможно, пока прошло не так много времени, чтобы рана затянулась полностью, но ему казалось, что для этого должно пройти много-много лет. И это хорошо, что в той аварии никто больше не пострадал, а то бы он точно себя бы никогда не простил. Он и так себя не простил, что из-за него пострадали Рита и ребёнок.

- Если хочешь, я могу тебе составить компанию в выпивке в баре, - сказал он через какое-то время.

Джун Мотидзуки

- На предложение отвезти его к Маргарите-сан через два дня, Джун согласно кивнул. Он не собирался лишний раз лезть и нарушать установленный распорядок, поэтому был готов прибыть туда, куда ему скажут, и тогда, когда скажут.

- Хорошо, спасибо. - Ему тяжело было слышать об очередном появившемся у Сэтоши страхе, хотя сильно его это не удивило, поскольку Джун изначально готовился к всевозможным неприятным последствиям аварии, зная склонность брата болезненно реагировать на все травмирующие ситуации. Сам он приехал в Токио на машине, которая неофициально считалась его, с удовольствием сев за руль после длительного перерыва. Но при имеющемся раскладе в части, касающейся перемещений вместе с братом, она становилась бесполезна.

- Аники, буду рад, если ты составишь мне компанию в баре, - Джун снова взъерошил волосы брата, пройдясь рукой по его голове. Он не собирался сильно отвлекать Сэтоши от его дел или надолго "похищать" у нуждающейся в поддержке Маргариты-сан ее мужа, но хотя бы с час посидеть в компании брата и постараться найти какие-то связывающие их ниточки не только в прошлом, но и в настоящем, показалось ему

отличной идеей.
